

Мария Калениченко

Институт Филологии Киевского национального университета

им. Тараса Шевченко

МОДАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Key words: impersonal sentence, predicate stem of the sentence, semantic parameters of impersonal sentence, modality

Современные синтаксические исследования в славянской лингвистике характеризуются, с одной стороны, расширением и уточнением объектов изучения и разработкой соответствующих методов для их описания. В центре внимания лингвистов-славистов находится предложение, как основной объект изучения, специфика его структуры и семантики, взаимодействие с другими синтаксическими единицами, функционирование отдельных типов предложения, непосредственно безличных, в истории славянских языков. Характерной особенностью современной лингвистики является максимальный интерес к смысловому аспекту языка, на первый план активно выступает функциональный анализ языковых явлений, которые обеспечивают условия для успешной коммуникации, отображая внеязыковую действительность в сознании человека. Это предполагает установление степени изоморфизма между структурированием процесса мышления и способами его вербализации, а также выявления способности языковых способов адекватно выражать многогранные отношения в объективной действительности.

В славянской лингвистике последней четверти XX века сместился акцент на контекстуальную организацию предложения. Значительный вклад в теорию семантической структуры предложения внесли научные работы американских и российских лингвистов Ч. Филлмора, У.Л. Чейфа, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Г.В. Валимовой, В.Г. Гака, М.М. Гурмана, С.Д. Кацнельсона, Е.Д. Падучевой, П.В. Чеснокова, Н.Ю. Шведовой и других. Украинское языкознание представлено работами таких исследователей семантики и синтаксиса, как И.Р. Выхованец, К.Г. Городенская, С.Я. Ермоленко, А.П. Загнитко, Н.Л. Иваницкая, В.И. Кононенко,

О.С. Мельничук, В.М. Русановский, К.Ф. Шульжук и других. В Чехии проблемы семантического синтаксиса исследовали Й.Ф. Андерш, Я. Бауер, Г. Беличова, Ф. Данеш, М. Докулил, М. Грепл, Я. Корженский, Р. Мразек, П. Сгалла, К. Свобода, С. Жажа и другие лингвисты.

Несмотря на длинный список исследователей данной проблемы на материале разных славянских языков в реферируемых работах не прослеживается однозначности взглядов синтаксистов. Более того, практически каждый из них по-своему рассматривает вопросы категориальных и понятийных признаков семантического синтаксиса, используя собственную методику исследования синтаксической семантики, учитывая сложный характер содержания предложения и определяя три уровня представления – денотативный, логико-семантический и языковой семантики. Если денотативный уровень предложения ученые соотносят с реальными ситуациями, реальными предметами и отношениями между ними, логико-семантический – с логическими структурами, понятиями и отношениями между ними, то уровень языковой семантики – с семантико-синтаксическими структурами, лексическими компонентами и отношениями между ними.

В современной лингвистике заинтересованность семантической организацией предложения объясняется желанием ученых глубже понять суть семантики языковых единиц. Активизация исследований смысловой стороны предложения определяется необходимостью изучить данную синтаксическую единицу с точки зрения единства формы и содержания, что вызвано необходимостью привлечения синтаксиса как одного из уровней языковой системы к общей проблеме «реальность – мышление – язык». Таким образом изучать семантику предложения возможно опираясь на какой-либо элемент триады, т.е. принимая во внимание смысловую сторону предложения возможно реализовать несколько направлений исследований [Адамец 1978; Андерш 1987; Арутюнова 1976; Мухин 1980].

Определение учеными трех уровней функционального синтаксиса в славистике (формально-синтаксического, семантико-синтаксического, коммуникативно-го) повлияло на то, что произошла переориентация исследований с формального аспекта на семантический, который базируется на тех элементах в содержании языковых форм, которые являются непосредственным отображением объективной действительности.

В нашем исследовании активно используется теория семантического синтаксиса чешских лингвистов (труды П. Адамеца, Г. Беличовой, Ф. Данеша, Р. Мразека), которые считают, что семантическая структура предложения должна учитывать предикат и его семантико-синтаксическую валентность, которая прогнозирует качественный и количественный состав левосторонних и правосторонних синтаксем.

Одним из основных принципов этой теории является утверждение Я. Бауэра о том, что семантическая структура безличного предложения в чешском языке определяется качественным уровнем безсубъектности: конструкции со значением отсутствия, невозможности лица, которое побуждает действие, образуют группу

так называемых собственно безличных конструкций, а конструкции со значением устранения лица образуют группу предложений, безличность которых возникла в результате языковой актуализации, реализации языковой семантики [Bauer 1972, 129-130].

Основоположным принципом теории чешского безличного предложения является тот факт, что первая группа конструкций является группой завершенной, а элементы, которые входят в ее состав, можно перечислить с определенной степенью достоверности; это единственная группа, которая базируется на безвалентности глагола, а вторая группа является величиной открытой, которая регулярно пополняется за счет действия в языке закона аналогии, а также в результате генетической специфики чешского языка (флективность, система падежей) [Mlůvnické 1987, 171].

Отдельную группу представляют безличные предложения, предикативное ядро которых составляют модальные глаголы. В таких безличных предложениях (их количество в рассматриваемых текстах является 15,6% от общего числа) категория модальности, которая формально выражается собственно модальными глаголами, образует определенную часть развернутой модальной сферы предложения.

Следует отметить, что чешские синтаксисты, определяя модальность в широком смысле, рассматривают эту категорию как непрременный атрибут каждого предложения (даже если тематически это не выражается). В частности Е. Бенешова считает модальность грамматически выраженным отношением говорящего к действительности, т.е. определяет модальность как субъективно-объективную категорию, но в специфическом понимании: «субъективно» – потому что речь идет об отношении говорящего, «объективно» – потому что в действительности это отношение всегда выражается объективными и никогда субъективными средствами [Benešová 1971, 97].

Несколько иначе трактует эти понятия В. Шмилауэр, который говорит о так называемой «объективной» модальности, т.е. об отношении смысла высказывания к действительности, и о «субъективной» – отношении говорящего к смыслу высказывания (активная реакция на действительность) [Šmilauer 1966, 21-31].

Очень близкой является точка зрения Г. Беличевой, которая занимается исследованием этого вопроса и подчеркивает тот факт, что ядром модального значения является отношение между участниками речевой ситуации с точки зрения их существования во внеязыковой реальности [Běličová 1983, 4].

Такое толкование видов модальности нам представляется более обоснованным, поскольку Г. Беличова и В. Шмилауэр пытаются учесть специфику модальности именно безличных предложений.

В научной литературе утверждается, что модальные характеристики предиката в славянских языках фактически определяются модальными характеристиками глагола. При этом накладывание модальной характеристики на предикат предложения исключает возможность накладывания данной характеристики на предикат логический, который проявляется при членении предложения на тему и рему.

Обратим внимание, что для чешских безличных предложений этой группы компонент со значением пассивного субъекта является облигаторным, их семантика полностью соотносится с характеристикой человека, живого существа, а своеобразие заключается в том, что они передают отношение особы к какому-либо действию, состоянию или ситуации. Отношение же определяется не собственно особой, а внешними факторами и причинами, которые не зависят от воли особы.

Как показывают наши наблюдения, семантическая специфика безличных предложений данной группы создается соответствующим лексико-семантическим наполнением предикатов и падежным или инфинитивным оформлением синтаксисом. Например: *K vůli rodičů už bylo možno oko přimhouřit* (К. Sezima); *K jiné přípovědi však nebylo možno hocha pohnouti* (К. Sezima); *Je nutno s tím zacházet opatrně* (L. Vaculik); *Na to se musí brát ohled* (L. Vaculik).

В чешской лингвистике отмечается, что в зависимости от конкретного значения и от способа наполнения предикативного ядра безличные модальные предложения необходимо разделять на несколько подгрупп: конструкции со значением реальности и со значением нереальности, которые, в свою очередь, выражают возможность/невозможность определенного действия; желания/нежелания исполнения определенного действия; разрешение на исполнение; потребность; необходимость; принуждение исполнения того или иного действия [Benešová 1971, 97].

Принимая во внимание предложенные чешскими учеными-славистами принципы токсономии модальных безличных конструкций, считаем целесообразным определить следующие подгруппы предложений: модальные конструкции, выражающие возможность действия, ее положительную оценку; модальные конструкции, выражающие желание/нежелание, старание выполнения какого-либо действия; модальные конструкции, выражающие значение необходимости, принуждения; модальные конструкции, выражающие необходимость действия. Для всех вышеизложенных групп важным элементом теории остается тезис о том, что дательный падеж пассивного субъекта передает общее для всей группы значение пассивной реципиентности, вызванное лексико-семантическими особенностями предикатов.

Чаще всего (9,4% от общего числа исследованных безличных предложений) в чешском языке предикатами в конструкциях со значением возможности/невозможности выполнения действия выступают безлично-предикативные слова *možno*, *lze* и безличные глаголы соответствующей семантики, которые передают дополнительные оттенки одного и того же модального значения, например: *Jak bylo možno jíti v náhlém šeru* (V. Dyk); *K vůli rodičů už bylo možno oko přimhouřit* (К. Sezima); *Zdalo se mi, že zablouditi nemožno* (V. Dyk); *A nebylo lze nabídnout mládeži hrdinu mládežnicktějšího než Julka Fučíka* (P. Tigríd); *Je mi nemožno zde žít, nemožno prožít zde ještě jeden den a snad i noc* (R. Jesenská); *Lze krást, lze rabíjet, ale jenom opatrně* (V. Dyk); *Kéž by bylo možno zapomenuti* (J.K. ze Lvovic).

В большинстве случаев модальное значение возможности/невозможности действия сопровождается фоновым значением пассивности: возможность осуществления действия предоставляется субъекту извне, не зависит от его воли или

желания и поэтому субъект получает значение объекта предоставленного действия. Особенно ярко эта особенность проявляется при сопоставлении безличной пассивной конструкции и ее личного активного корелята: *Je mi dovoleno se koupat* (B. Hrabal) – *Dovolili se mi koupat; Bylo jí řečeno, aby šla spat* (B. Hrabal) – *Řekli jí, aby šla spat*.

Важным элементом реализованной теории безличных предложений является факт, что семантическая глубина таких односоставных конструкций определяется природой предиката, поскольку модальные слова *možno/nemožno* в чешском языке непосредственно соотносятся с личными глагольными формами *možno/mocť*, например: *je mi možno... – může*. Поэтому на основе предикатов с таким модальным значением образуются специальные конструкции с обобщенным значением пассивности [Benešová 1971, 110,124].

Безличные модальные предложения с устраненным лицом такого плана нельзя считать компрессивными, поскольку они передают общее значение пассивности, например: *Je mi nemožno zde žít, nemožno prožít zde ještě jeden den a snad i noc* (R. Jesenská) – *Nemůžu zde žít, nemůžu prožít zde ještě jeden den a snad i noc; Jež bylo možno mysliti* (V. Dyk) – *Mohla mysliti*.

В то же время чешские безличные глаголы с частицей *se* непосредственно не соотносятся ни с одной личной глагольной формой [Běličová 1982, 109], и потому сопоставимое с ними значение может передаваться приблизительно. При этом возвратный модальный глагол может заменяться глаголом *dá se*, который имеет идентичное модальное значение, например: *Může se to opět opakovat* (B. Hrabal) – *Dá se to opět opakovat; Na dvou židlích se sedět nedá – Na dvou židlích se sedět nemůže; Dalo se čekat* (K. Čapek) – *Mohlo se čekat*.

Следующий семантический подтип модальных безличных предложений чешского языка составляют конструкции со значением желания/нежелания (2,5% от общего числа проанализированных структур). Предикативный центр таких предложений составляют рефлексивные глаголы соответствующей семантики *chtít, zamýšlet* и другие. Предикативную структуру составляют также облигаторный компонент со значением пассивного субъекта и инфинитив. Например: *Nechtělo se vám ani žít, ani zemřít* (J.K. ze Lvovic); *Nechce se mu svůj příběh rozvíjet nazpátek* (B. Říha); *Chtělo se mi plakat a smát se* (Mája Z.); *Chtělo se mi spát* (O. Vočková); *Chtělo se mu totiž dřít* (K. Čapek).

Семантическая специфика таких чешских безличных конструкций заключается в том, что они эмоционально окрашены и передают модальное значение как состояние, которое субъект ощущает подсознательно, как результат психологических, внутренних причин. Таким образом семантически такие предложения очень близки к безличным конструкциям со значением состояния человека (лица). Такая семантическая близость способствует и структурной схожести – наличие рефлексивного глагола-предиката и дательного падежа пассивного субъекта, например: *Nějaký čas nechťelo se mu než vegetovat* (K. Sezima); *Nechťelo se mu do toho* (P. Tigríd); *Nechťelo se vám ani žít, ani zemřít* (Jiří K. ze Lvovic); *Nechťelo se mi tomu věřit* (O. Vočková).

Приведенные выше конструкции являются одним из возможных результатов модального оформления экстралингвистической ситуации. Во многих случаях прослеживаются и другие типы корреляционных связей безличных предложений с личными двусоставными конструкциями, где одно и то же состояние передается уже как осознанное, т.е. с помощью активного залога. Например: *Chtělo se mu spát – Chtěl spát, Chtělo se mu dřímat – Chtěl dřímat.*

Следующую семантическую группу модальных безличных конструкций чешского языка составляют предложения, которые выражают модальное значение необходимости исполнения действия (1,9% от общего числа). Предикативное ядро таких предложений учитывает специфику значения необходимости исполнения действия. В безличных предложениях данной группы видим употребление модального глагола *muset, mít*, безлично-предикативных слов *nutno, třeba* в сочетании с инфинитивом, например: *Bylo nutno odejít* (J.K. ze Lvovic); *Nebylo možné to pozvání nepřijmout* (L. Vaculík); *Jak by se mělo říkat holčičce od surovce?* (K. Čapek); *Nutno začítí zpředu* (P. Kles).

Стоит отметить, что конструкции данного типа передают значение необходимости, которую пассивный субъект в форме дательного падежа воспринимает как данность продиктованную извне, не зависимо от его воли. Такие предложения, как один из возможных вариантов волеизъявления, соотносятся с личными двусоставными предложениями, где безлично-предикатному слову отвечает глагол *muset*, например: *Je nutno jít – Musíš jít.* Например: *Bylo mu uloženo...* (V. Dyk) – *Někdo mu uložil... (musí to udělat); Nutno začítí zpředu* (P. Kles) – *Musí začítí zpředu; Je nutno jít za svým osudem* (J.K. ze Lvovic) – *Musíš jít za svým osudem.*

В чешском языке такие конструкции выражают пассивность субъекта по отношению к необходимости осуществить какое-либо действие, указывают на внешний, не зависящий от воли исполнителя характер необходимости [Běličová 1983, 110]. При этом в модальной категории необходимости заложено сему невозможности альтернативного решения, т.е. абсолютно исключается возможность действовать наоборот, например: *Na to se musí brát ohled* (L. Vaculík); *Od trestání muselo být upuštěno* (K. Ptáčník); *Bude nutno o ní pojednati zvlášť* (K. Čapek).

Специфика лексико-семантического наполнения и категориально-морфологическое оформление предикатов в таких безличных конструкциях чешского языка придает им не только значение пассивности, но и определяет источник действия. Теоретически указание на такой источник действия может проследиваться в структуре предложения в виде творительного падежа, например: *Bylo mi uloženo* (kým?) – *Bylo mi uloženo ředitelem.*

Как показывают результаты исследований других лингвистов, в чешских безличных предложениях творительный падеж субъекта практически не употребляется, опускается. Такая специфика, возможно, и разрешает определить в конструкциях данной подгруппы еще и неопределенно-личное значение, например: *Bylo mu uloženo vyplatit oslovenému dvacet korun – Uložili mu vyplatit oslovenému dvacet korun; Bylo mi uloženo – Uložili mu.*

Таким образом, значение безличных предложений в чешском языке мотивируется семантикой предикативного ядра. Если собственно-безличные предложения со значением *impersonalia tantum* или состояния одушевленного предмета в чешском языке являются воплощением максимальной семантической безличности, результатом смысловой (пропозиционной) невозможности субъекта, то в конструкциях, предикативное ядро которых составляют личные глаголы, употребленные в безличном значении, безличность функционирует как результат языковой актуализации.

Количество облигаторных компонентов, входящих в структуру предикативного ядра чешских безличных предложений, находится в обратной зависимости от степени выражения безличности, т.е. чем меньшее количество компонентов принимает участие в образовании безличной конструкции, тем выше степень ее безличности. Также обязательность использования дополнительных распространителей в безличных предложениях зависит от лексико-семантических характеристик предиката и демонстрирует четкую закономерность: чем определеннее является значение личного глагола, употребленного в безличном значении, тем более абстрактной является денотативная природа имени, с которым он соотносится, тем меньше является обязательность распространителей.

Библиография

- Адамец Пржемысл К. 1978. *К вопросу о синтаксической парадигматике*. В: *Языкознание в Чехословакии. Сборник статей 1956-1974*. Ред. Широкова А.Г. Москва: Прогресс: 203-215.
- Андерш Йозеф Ф. 1987. *Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською*. Киев: Наукова думка.
- Арутюнова Нина Д. 1976. *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*. Москва: Наука.
- Мухин Анатолий М. 1980. *Синтаксический анализ и проблема уровней языка*. Ленинград.
- Bauer Jaroslav. 1972. *Syntactica slavica*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně.
- Běličová Helena. 1982. *Semantická struktura věty a kategorie pádu*. Praha: Academia.
- Běličová Helena. 1984. *Ke vztahu tzv. povrchových a hloubkových větných významů*. W: *Čs. Rusistika*. № 4: 148-157.
- Běličová Helena. 1983. *Modální báze jednoduché věty a souvětí (K porovnávací syntaxi češtiny a ruštiny)*. Praha: Ústav pro jazyk český.
- Běličová-Křížková Helena. 1980. *Semantická struktura věty, tzv. hlubková struktura a intence slovesného děje*. W: *SaS*: 265-273.
- Daneš František. 1973. *Práce o sémantické struktuře věty: Přehled a kritický rozbor*. Praha: Ústav pro jazyk český ČSAV.
- Mluvnice češtiny. Díl 3. Skladba*. 1987. Praha: Academia.
- Mrázek Roman. 1965. *K otázce českých větných schémat a typů*. B: *SaS*. Praha: 177-181.
- Paněnová Jarmila, Benešová Eva, Sgall Petr. 1971. *Čas a modalita v češtině*. Praha: Univ. Karlova.
- Šmilauer Vladimír. 1966. *Mluvnice češtiny*. Praha: Stát. ped. Nakl.-ství.

Summary**MODAL CHARACTERISTICS OF THE SEMANTIC STRUCTURE
OF IMPERSONAL SENTENCES IN THE CZECH LANGUAGE**

This article is devoted to the analysis of sentence modality. Modality is interpreted as a constructive element of the sentence in any function. The main attention is paid to the analysis of the semantic features that compose the complex and multi-layered representation of modality.

Kontakt z Autorką:
m.kalenichenko@yandex.ru